
СЛОВАРЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИИ. АНАРХИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ*

М.Ю. Мартынов

Кафедра русского языка
Филологический факультет
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1/1, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена анализу общественно-политической лексики в словарях советской эпохи. Автор показывает, что лексикографическая трактовка слов «анархизм» и «власть» не является нейтральной, она обусловлена скрытыми идеологическими механизмами, реальным политическим противостоянием марксизма и анархизма после 1917 г.

Ключевые слова: анархизм, марксизм, идеология, лексикография, государство, власть, Большая советская энциклопедия.

В отечественной филологии вопрос о влиянии идеологии на лексикографию уже становился предметом исследования. Обращает на себя внимание, например, статья А.Л. Голованевского, который проанализировал 42 различных лексикографических издания, вышедших с 1900 по 1917 г., и отметил зависимость трактовки общественно-политической лексики от идеологических представлений: «Вся общественно-политическая лексика, отражающая русское революционное движение, является идеологически оценочной... Лексикографическая трактовка слов и терминов общественно-политического содержания в дореволюционных словарях зависит от мировоззрения автора, его отношения к каждой из социальных групп, участвовавших в революции» [4. С. 25, 26].

Исследователь выделяет следующие идеологические типы дореволюционных словарей: официозно-консервативные, либеральные, революционно-демократические и промежуточные между ними. Согласно Голованевскому, до 1917 г. революционно-демократические словари, трактовавшие общественно-политическую лексику с марксистских позиций, представляли собой немногочисленную группу.

Дополняя это наблюдение, можно заметить, что после революции 1917 г. в условиях большевистской диктатуры и необходимости воспроизводства марксистской идеологии «революционно-демократический» тип словарей начинает занимать позиции официозно-консервативного типа. Идеологическая унификация словарей по революционно-демократическому (марксистскому) образцу повлияла на изменение содержательной стороны лексикографического представления общественно-политической лексики. При этом идеологический компонент не является

---

* Рец.: доц. В.П. Никитин (Чувашский госуд. пед. университет им. И.Я. Яковлева); доц. Е.А. Григорьева (Чувашский госуд. университет им. И.Н. Ульянова).

анонимным и латентным, он открыто декларируется, например, редколлегией Большой советской энциклопедии (БСЭ) в каждом из трех ее изданий. Так, редакция первого издания БСЭ необходимость энциклопедии объясняет, в частности, желанием «нового читателя», созданного революцией, «закрепить революционно-материалистическое мировоззрение».

При этом энциклопедия должна быть «четкая по мировоззрению», не допускающая, например, «идеалистических примесей». Кроме отражения основных знаний о мире и человеке с позиций диалектического материализма энциклопедия должна функционировать и как инструкция: она должна содержать знания «для основных кадров, выполняющих советское строительство», она должна стать «опорой для дальнейшего массового социалистического строительства» [2. БСЭ, 1926а].

Остановимся на нескольких примерах, показывающих, как под влиянием большевистской идеологии и в условиях политического уничтожения анархистских групп меняется лексикографическая трактовка слов, так или иначе связанных с анархизмом. (Известно, что анархистская идеология не совпадала с марксистской и во многих вопросах ей противоречила. Фундаментальные различия между анархистами и марксистами точно формулирует П.А. Кропоткин: «Разлад между марксистами и бакунистами отнюдь не был делом личного самолюбия. Он представлял собою неизбежное столкновение между принципами федерализма и централизации, между свободной коммуной и отеческим управлением государством, между свободным и творческим действием народных масс и законодательным улучшением существующих условий, созданных капиталистическим строем» [6. С. 373].

После революции 1917 г. анархические организации обладали определенным политическим влиянием, но противостояния с большевиками они не выдержали. Анархические объединения были почти полностью уничтожены в период 1920—1930-х гг. Творческая деятельность многих представителей анархической мысли в России, не принявших новой власти, была прервана, а имена многих надолго забыты. Для сравнения ограничимся словами *анархизм* и *власть (государственная власть, власть государства)* — принципиальных для идеологического противостояния марксизма и анархизма.

Поскольку рамки статьи не позволяют охватить все издания, мы ограничим их круг только БСЭ — одним из самых важных в деле утверждения в Советском Союзе марксистской идеологии, сопоставляя, где это необходимо, как с примерами из других словарных изданий советской эпохи, так и с примерами из дореволюционных словарей.

Первое, что обращает на себя внимание в советских словарях, — это тенденция к объяснению анархизма и всего, что с ним связано (например, «анархия производства», «анархизм-синдикализм» и др.), в резко отрицательном смысле.

Эта тенденция особо отчетливо проявляется в сопоставлении с дореволюционными изданиями различных типов словарей, в которых анархизм трактуется без использования оценочной лексики. Например, «Анархизм — учение анархи-

стов. Анархисты — революционная партия, стремящаяся к ниспровержению существующего строя и немедленному переустройству жизни на новых началах, с устранением существования и проявления какой бы то ни было власти в человеческом общежитии... Анархия — безначалие; общественный порядок, при котором не признается никакая правительственная власть; также состояние государства, в кот. нет совершенно верховной власти или же верховная власть потеряла силу» [11. С. 60]. «Анархист (от греч. *anarchia* — безначалие) — приверженец анархии. Анархический — безначальный, не признающий существующего закона; Анархия (греч. *anarchia*, от *an* — отриц. част., и *arche* — господство). Безначалие, состояние государства, при котором нет высшей законной власти» [12. С. 75].

Начиная с первого издания БСЭ анархизму дается общая негативная оценка, он определяется как ложное политическое учение. Эта оценка создается как при помощи конвенциональных языковых средств отрицания, так и неконвенциональных — особых идеологических маркеров, характерных для советского политического дискурса. К числу последних можно отнести признак *мелкобуржуазности*, отрицательное значение которого, в том числе и по отношению к анархизму, было сформировано в текстах вождей партии. А.М. Селищев пишет: «Буржуазный, мелко-буржуазный имеют значение отрицательное. “Являясь решительнейшим противником феминизма в дурном, буржуазном смысле этого слова, т. Зиновьев указывал, что...”» («Пр.» № 288. 1924). Весьма часто В.И. Ленин указывал, как на отрицательные явления, на «мелко-буржуазные течения», на «мелко-буржуазные шатания». — «“Голой жест и анархическое (мелко-буржуазное) непотворение злу” (“К. Пр.” № 77. 1926)» [8. С. 223].

Второй том БСЭ, вышедший в 1926 г., т.е. в том же году, что и статья Ленина в «Комсомольской Правде», на которую ссылается А.М. Селищев, употребляет *мелкобуржуазность* только по отношению к прудоновской утопии «народного банка», а не к анархизму в целом [2. БСЭ, 1926б. С. 636]. *Мелкобуржуазность* здесь еще не успела приобрести устойчивые характеристики отрицания с марксистско-ленинских позиций, т.е. не стала в полном смысле идеологическим отрицанием, но уже во втором издании БСЭ анархизм трактуется как «мелкобуржуазное реакционное общественно-политич. течение, враждебное пролетарскому научному социализму, к-рое под видом отрицания всякой государственной власти и политической борьбы подчиняет интересы пролетариата интересам буржуазии и отрицает революционную диктатуру пролетариата» [2. БСЭ, 1950. С. 356].

В третьем издании БСЭ анархизм также объясняется как «мелкобурж. общественно-политич. течение, враждебное пролетарскому научному социализму...» [2. БСЭ, 1969. С. 573].

Заметим, что *мелкобуржуазность* является вообще устойчивым отрицательным признаком анархизма в лексикографических изданиях советской эпохи, как в ранних, так и более поздних. Эта характеристика встречается и в специальных лингвистических словарях, см., например: «Анархизм (от греч. *anarchia* — безначалие, безвластие) — мелкобуржуазное общественно-политическое течение,

отрицающее необходимость государственной и всякой иной политической власти...», «Анархо-синдикализм — мелкобуржуазное оппортунистическое течение в рабочем движении...» [16. С. 17], и в словарях лингвистических, например «**Анархизм**, а, мн. нет, м. 1. Мелкобуржуазное политическое течение, проповедующее анархию, враждебное марксистско-ленинскому учению о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, как единственном пути к уничтожению классов и отмиранию государства. *А. является контрреволюционной силой, ведущей борьбу против Советского Союза и предающей революционную борьбу рабочего класса капиталистических стран.* 2. Непризнание власти и авторитета, своеволие (разг.)» [13. С. 38]. «**Анархизм**, а, м. 1. *Полит.* Мелкобуржуазное политическое течение, отрицающее необходимость государственной власти и организованной политической борьбы пролетариата с буржуазией...» [14. С. 130]. «**Анархизм**, -а, м. Враждебное марксизму мелкобуржуазное течение, проповедующее анархию, отрицающее всякую государственную власть (в том числе и диктатуру пролетариата), организованную политическую борьбу рабочего класса» [15. С. 36].

Идеологическую обоснованность подобной отрицательной семантики *анархизма* подтверждают современные лексикографические издания, для которых марксистское мировоззрение не является обязательным и трактовка *анархизма*, например в современной «Большой российской энциклопедии», дается без мелкобуржуазных признаков [3].

Еще больший интерес в БСЭ представляет статья **власть**, а точнее — ее отсутствие. Дореволюционные лингвистические и энциклопедические словари, как правило, фиксировали слово *власть*. Например, «Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный» (1806—1822) включает в свой состав *властвование, властвовать, властелинство, властелин, властель, властельствовать, власти, властитель, властительски, властительский, властительство, властно, властный, властодержец, властолюбец, властолюбивый, властолюбие, властолюбствовать, власть* [10. С. 543—546]. В «Словаре русского языка» *власть* трактуется следующим образом: «1. право, сила или возможность действовать по своей воле или по обязанности // закон определяет власть каждого должностного лица // человек во власти, у власти, облеченный властью, влиятельный. 2. сила, могущество. 3. то же, что должность. 4. начальство; лицо, облеченное властью, особенно мн.» [9]. В «Словаре историческом и социально-политическом» присутствуют словарные статьи *власть, власть дисциплинарная*, а также *государственная власть* [11].

БСЭ, несмотря на обещание перенести при составлении энциклопедии «в общественных науках центр тяжести в экономику, советскую политику и советскую практику» [2. БСЭ, 1926а], не включает в свой состав статью *власть*. В первых двух изданиях БСЭ вместо *власти* объясняется *власть государственная*, являясь при этом ссылочной статьей: «Власть государственная, см. *Государственная власть*» [2. БСЭ, 1930а. С. 609; 2. БСЭ, 1951. С. 250]. Статья *власть* появляется только в третьем издании БСЭ: «Власть, авторитет, обладающий воз-

возможностью подчинять своей воле, управлять или распоряжаться действиями др. людей... (см. также Государство)» [2. БСЭ, 1971а. С. 151]. При этом *государственная власть* теряет самостоятельность и объясняется через статьи *власть* и *государство*: «Государственная власть, см. в ст. Власть, Государство» [2. БСЭ, 1971б. С. 153].

Любопытно, что современные энциклопедические издания, например «Большая российская энциклопедия», включают в свой состав статьи *власть* и *государство* и не включают *государственную власть*.

Лингвистические словари советской эпохи фиксируют лексему *власть*, но при сопоставлении ранних и поздних изданий можно отметить тенденцию к переосмыслению ее основных значений в сторону усиления государственной семантики. Словарь Д.Н. Ушакова выделяет следующие значения: «Власть, и, *мн.* и, ей, *ж.* 1. *только ед.* Право и возможность подчинять кого-что-н. своей воле, распоряжаться действиями кого-н. ... 2. Права и полномочия правительства, правительственного лица (полит.)... 3. *только ед.* Образ правления, государственный строй (полит.)... 4. *перен., только ед.* Могущественное влияние, принудительная сила... 5. *чаще мн.* Лица, облеченные властью, начальство» [13. С. 310].

В Большом академическом словаре 1951 г. политическое, государственное значение власти выделяется уже как основное: «Власть, и, *ж.* 1. Право управлением государством, права и полномочия правительства, правительственных органов (*полит.*)... 2. Органы государственного управления; правительство... 3. Форма управления страной, государственный строй... 4. Право и возможность повелевать, управлять, распоряжаться действиями, поведением кого-либо» [14. С. 436—437].

Постараемся теперь понять, чем обусловлено подобное лексикографическое представление *власти* в БСЭ, какие идеологические факторы явились решающими в сближении *власти* с *государственной властью*.

Известно, что с позиций когнитивной лингвистики, номинация — это не просто процесс нейтрального именованья мира, как процесс его буквальной репрезентации, но это активный процесс конструирования мира, его познания, предполагающий интерпретацию и оценку. С помощью языка человек может по-разному конструировать реальность, осмыслять ее в различных проявлениях. Одним из базовых понятий, которые использует когнитивная лингвистика для описания познавательной деятельности человека, является категоризация. В широком смысле категоризация — это «процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно существенным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т.п., а также — результат классификационной (таксономической) деятельности» [17. С. 42].

Как замечает Дж. Лакофф, «изменив представления о сути категорий и явлений категоризации, мы меняем по существу и представление о мире» [17. С. 14]. В какой-то степени эта задача осознавалась редакторами БСЭ, которые, напри-

мер, обещали избавить энциклопедию от «идеалистических примесей» [2. БСЭ, 1926а], т.к. новая категоризация мира должна быть исключительно материалистической. Лингвистическая категоризация, которая в когнитивной лингвистике связана с естественным усвоением языка и вообще является базовой для мышления, в пространстве БСЭ дополняется идеологическими установками марксизма и материалистической диалектики и понимается как активная деятельность по созданию новой марксистской языковой картины мира, категориальные элементы которой призваны определять мышление и поведение советского человека. Важно, что в данном случае возможность идеологической категоризации основана на этнокультурном представлении о России как о чистой доске [см. подробнее: 19] и на связанной с этим представлением модели взаимоотношений советской власти и советского народа по образцу «отец — ребенок».

В традиционном ономазиологическом представлении процессы номинации устанавливают отношение языкового знака к внеязыковой сфере: «Номинация есть закрепление за языковым знаком понятия — сигнификата, отражающего определенные признаки денотата — свойства, качества и отношения — предметов и процессов материальной и духовной сферы, благодаря чему языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации» [20. С. 101]. При этом «...сигнификат слова не поддается, так сказать, эрозии, ибо номинация может оставаться номинацией только при условии, что обозначаемый словом денотат, предмет как бы остается равным себе и не превращается ни во что другое» [20. С. 120].

Самотождественность и реальность денотата не всегда является обязательным условием номинации, если ее понимать не как пассивный, а как активный процесс. В нашем примере номинация осуществляется не относительно реального денотата, а относительно денотата, претендующего на реальность. Власть советского государства, не имеющая возможности опереться на божественный источник или традицию (длительность) своего существования и стремящаяся при этом к абсолютной тотальности, не может считаться в полном смысле реальной, пока существуют другие конкурирующие с ней политические силы, как внутри страны, так и за ее пределами. Отсюда номинация не просто отражала в сигнификате (государственная власть) объективные свойства денотата (власть советского государства), но активно формировала сам денотат, надеясь с помощью такого конструирования утвердить его объективную реальность.

Кроме этого лексическая номинация *государственная власть*, претендующая на исключительность в БСЭ, из-за присутствия признака уменьшала число семантических валентностей *власти*, что ограничивало возможности ее интерпретации.

На способ такого лексикографического представления *власти* в БСЭ через *власть государственную*, как нам представляется, решающее влияние оказал спор между марксистами и анархистами о необходимости государства. Марксисты доказывали необходимость государственного механизма для осуществления социалистического идеала, для анархистов же любое государство есть насилие над личностью.

В 20-е гг. XX в. некоторые анархистские направления предприняли попытку приспособить анархическое отрицание государства под набравшую силу марксистскую идеологию. Указывая на несостоятельность идеологии анархизма, выявленную в ходе революции, они требовали пересмотра вопроса о власти и государстве. Советское государство с его необходимым насилием оправдывается, например, в текстах биокосмистов, и называется «переходным периодом» от старого социального порядка к новому. (Необходимо отметить, что с 1918 по 1920 г. анархическая мысль в России переживает кризис. Подвергаются серьезному критическому пересмотру анархические проекты М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Например, с позиций гуманистического анархизма А.А. Борового предшествующая анархическая мысль, несмотря на различные компромиссные варианты, не смогла ответить на фундаментальный вопрос: «Каким образом можно осуществить абсолютную свободу индивида, не прекращая общественной жизни?»). В процессе напряженного поиска ответов на нерешенные анархические вопросы происходит «мутация» анархического сознания» [18. С. 88], возникают новые разновидности анархизма (мистический анархизм, пананархизм, биокосмизм и др.), обогащающие его новыми идеологическими построениями.

Строго говоря, в этой части вопроса о временной необходимости государства анархисты скорее следуют марксистской идеологии, чем своей собственной. «Мы, — пишет Ленин, — вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса» [2. БСЭ, 1930б. С. 515]. Если бы анархисты продолжили свою политическую деятельность, вряд ли бы их устроила сталинская концепция социалистического государства, в которой усиливается роль государственного механизма в жизни общества и доказывается «необходимость сохранения государства при коммунизме, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение» [2. БСЭ, 1952. С. 283].

«К советской системе мы относимся положительно, видя в ней государственную форму, революционным темпом переходящую от власти человека над человеком к власти человека над природой» [5. С. 2]. «Считая, что на пути к биокосмизму будет изжито государство, мы в то же время подчеркиваем необходимость положительного отношения к советской системе. Советское государство нельзя смешивать с государством буржуазным» [7. С. 20—21]. Именно эта идеологическая гибкость позволила биокосмистам и некоторым другим анархическим группам просуществовать в советском государстве несколько дольше представителей классического анархизма.

Понятно, что кроме государственной власти есть и другие ее разновидности, и анархистам это было хорошо известно. Отрицая власть вообще, они отрицали не только одну власть государства, но и, например, власть отца или власть учителя. М.А. Бакунин пишет: «...мы ненавидим и осуждаем всей силой нашей любви к свободе власть родительскую и учительскую, находя их одинаково безнравственными и пагубными» [1. С. 55]. Сужение интерпретационного поля

власти в БСЭ обусловлено, с одной стороны, необходимостью утверждения советского государства и его власти, — единственно легитимной, а с другой, реальным противостоянием марксистов и анархистов после 1917 г.

Для издателей БСЭ важно было подчеркнуть, что власть может быть только государственной. Существует не власть вообще, с которой борются анархисты, а только власть советского государства, и анархисты в этом случае отрицают не власть вообще, а только государственную (советскую) власть. Последнее разоблачает их как врагов, и поэтому не случайна характеристика *враждебности*, свойственная дефинициям анархизма в советских словарных изданиях, которые мы приводили выше.

В этом контексте становится понятным и присутствующее в БСЭ стремление отождествить *государственную власть* и *государство*. «Государственная власть... вообще настолько неотделима от самого понятия государства, что в марксистской, а иногда и в буржуазной литературе, оба эти понятия отождествляются, поэтому отдельное рассмотрение государства и Г. в. чрезвычайно затруднительно... Без Г. в. нет государства... Когда перестанет существовать Г. в., исчезнет и государство» [2. БСЭ, 1930б, С. 288, 289]. При этом лексикографическая эволюция *государственной власти* движется от попытки обосновать истинность государственной власти страны Советов по отношению к различным другим концепциям власти, начиная с античности и заканчивая началом XX в. [Там же], до простой декларации ее необходимости за счет ссылки на ключевые тексты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина [2. БСЭ, 1952]. Ситуация меняется только в третьем издании БСЭ: «Термин “В.” применяется в различных формах и аспектах: родительская В., гос. В., к-рая, в свою очередь, включает такие понятия, как В. верховная, учредительная, законодательная, исполнительная, военная, судебная и т.д.» [2. БСЭ, 1971а. С. 151]. При этом негативное понимание анархизма сохраняется.

Проанализированные примеры показывают, что словарь не представляет собой нейтральное лексикографическое пространство, — на трактовку общественно-политической лексики определяющее влияние оказывает господствующая идеология. Данный вывод имеет отношение к словарным изданиям советской эпохи, которая вообще отличается высокой степенью идеологизированности политического дискурса. По этой причине экстраполяция сделанного вывода нуждается в дальнейшем анализе несоветских изданий, а также изданий на других языках, что можно считать задачей для будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бакунин М.А.* Всестороннее образование // Бакунин М.А. Избранные сочинения: в 5 т. Т. 4. — Петербург; М.: Голос Труда, 1920. — С. 42—63.
- [2] *БСЭ 1926а* — Большая Советская Энциклопедия: в 65 т. Т. 1: А — Аколла / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. — М.: Советская энциклопедия, 1926.
БСЭ 1926б — Большая Советская Энциклопедия: в 65 т. Т. 2: Аконит — Анри / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. — М.: Советская энциклопедия, 1926.

- БСЭ 1930a* — Большая Советская Энциклопедия: в 65 т. Т. 11: Вильом — Водемон / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. — М.: Советская энциклопедия, 1930.
- БСЭ 1930б* — Большая Советская Энциклопедия: в 65 т. Т. 18: Город — Грац / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. — М.: Советская энциклопедия, 1930.
- БСЭ 1950* — Большая Советская Энциклопедия: в 51 т. Т. 2: Акты — Ариетта. 2-е изд. / Гл. ред. С.И. Вавилов. — М.: Большая Советская Энциклопедия, 1950.
- БСЭ 1951* — Большая Советская Энциклопедия: в 51 т. Т. 8: Вибрафон — Волово. 2-е изд. / Гл. ред. Б.А. Введенский. — М.: Большая Советская Энциклопедия, 1951.
- БСЭ 1952* — Большая Советская Энциклопедия: в 51 т. Т. 12: Голубянки — Гродовка. 2-е изд. / Гл. ред. Б.А. Введенский. — М.: Большая Советская Энциклопедия, 1952.
- БСЭ 1969* — Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 1: А — Ангоб. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1969.
- БСЭ 1971a* — Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 5: Вешин — Газли. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1971.
- БСЭ 1971б* — Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 7: Гоголь — Дебит. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1971.
- [3] Большая российская энциклопедия: в 30 т. Т. 1: А — Анкетирование / Председатель Науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2005.
- [4] Голованевский А.Л. Общественно-политическая лексика в словарях 1900—1917 гг. (К проблеме идеолого-семантической типологии словарей дореволюционного периода) // Филологические науки. — 1986. — № 3 (153). — С. 25—31.
- [5] Креаторий Российских и Московских Анархистов-Биокосмистов. Декларативная резолюция // БИОкосмист. — 1922. — № 1.
- [6] Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988.
- [7] Святогор А. «Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм // БИОкосмист. — 1922. — № 3—4.
- [8] Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т. 1: Язык и общество / Сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин. — М.: Языки славянской культуры, 2003.
- [9] Словарь русского языка. Т. 1: А—Д. — Петроград: Типография императорской Академии наук, 1895.
- [10] Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный. Часть I: А—Д. — СПб.: Императорская Академия наук, 1806.
- [11] Словарь исторический и социально-политический / Под ред. В.В. Битнера. — СПб.: Вестник Знания, 1906.
- [12] Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. — СПб.: В.И. Губинский, 1894.
- [13] Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А — Кюрины / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935.
- [14] Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л.: Академия наук СССР, 1950—54.
- [15] Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. — М.: Русский язык, 1985.
- [16] Краткий политический словарь / Сост. и общ. ред. Л.А. О니кова, Н.В. Шишлина. 4-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1987.
- [17] Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
- [18] Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. — М.: Высшая школа права; Форум, 1994.

- [19] Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. — 2001. — № 49.
- [20] Языковая номинация. Общие вопросы / Отв. ред. Б.А. Серебrenников, А.А. Уфимцева. — М.: Наука, 1977.

DICTIONARY AS AN INSTRUMENT OF IDEOLOGY: ANARCHISM IN THE CONTEXT OF LEXICOGRAPHIC PUBLICATIONS OF THE SOVIET PERIOD

M.Yu. Martynov

The Russian Language Department
Philological Faculty
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str., 1/1, Moscow, Russia, 119991

The paper considers the analysis of political lexicon in the dictionaries of the Soviet period. The author shows that the lexicographic treatment of the words “anarchism” and “power” isn’t neutral, it is caused by the hidden ideology, real political opposition of marxism and anarchism after 1917.

Key words: anarchism, marxism, ideology, lexicography, state, power, the Great Soviet Encyclopedia.

REFERENCES

- [1] *Bakunin M.A. Vsestononneye obrazovaniye // Bakunin M.A. Izbrannyye sochineniya*, 5 tt. T. 4. — Peterburg; M.: Golos Truda, 1920. — S. 42—63.
- [2] *BSE 19226a* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 65 tt. T. I: A — Akkola / gl. red. O.Yu. Schmidt. — M.: Sovetskaya Entsiklopedia, 1926.
- BSE 1926b* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 65 tt. T. 2: A — Akonit — Anry / gl. red. O.Yu. Schmidt. — M.: Sovetskaya Entsiklopedia, 1926.
- BSE 1930a* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 65 tt. T. 11: Viliyom — Vodemon / gl. red. O.Yu. Schmidt. — M.: Sovetskaya Entsiklopedia, 1930.
- BSE 1930b* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 65 tt. T. 18: Gorod — Grats / gl. red. O.Yu. Schmidt. — M.: Sovetskaya Entsiklopedia, 1930.
- BSE 1950* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 51 tt. T. 2: Akty — Arietta. 2 izd. / gl. red. S.I. Vavilov. — M.: Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia, 1950.
- BSE 1951* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 51 tt. T. 8: Vibrafon — Volovo. 2 izd. / gl. red. B.A. Vvedensky. — M.: Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia, 1951.
- BSE 1952* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 51 tt. T. 12: Golibyanki — Grodovka. 2 izd. / gl. red. B.A. Vvedensky. — M.: Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia, 1952.
- BSE 1969* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 30 tt. T. 1: A — Angob. 3 isd. / gl. red. A.M. Prokhorov. — M.: Sovetskaya Entsiklopedia, 1969.
- BSE 1971a* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 30 tt. T. 5: Veshin — Gazli. 3 isd. / gl. red. A.M. Prokhorov. — M.: Sovetskaya Entsiklopedia, 1971.
- BSE 1971b* — *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia*: 30 tt. T. 7: Gogol — Debit. 3 isd. / gl. red. A.M. Prokhorov. — M.: Sovetskaya Entsiklopedia, 1971.

- [3] Bolshaya Rossiyskaya: 30 tt. T. 1: A — Anketirovaniye / Predsedatel Nauchn.-red. Soveta Yu.S. Osipov. Otv. Red. S.L. Kravets. — M.: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopedia, 2005.
- [4] *Golovanevskiy A.L.* Obshestvenno-politicheskaya leksika v slovaryakh 1900—1917 gg. (K probleme semanticheskoy tipologii slovarey dorevolutsionnogo perioda) // Filologicheskiye nauki. — 1986. — № 3 (153). — S. 25—31.
- [5] Kreatoriy Rossiyskikh i Moskovskikh Anarkhistov-Biokosmistov. Deklarativnaya resolutsiya // BIOkosmist. — 1922. — № 1.
- [6] *Kropotkin P.A.* Zaiski revolyutsionera. — M.: Moskovskiy rabochiy, 1988.
- [7] *Svyatogor A.* "Doktrina ottsov" i anarchizm-biokosmizm // BIOkosmist. — 1922. — № 3—4.
- [8] *Selischev A.M.* Trudy po russkomu yaziku. T. 1: Yazik i obschestvo / Sost. B.A. Uspenskiy, O.V. Nikitin. — M.: Yaziki slavyanskoy kultury, 2003.
- [9] Slovar russkogo yazika. T. 1: A—D. — Petrograd: Tipografiya imperatorskoy Akademii Nauk, 1895.
- [10] Slovar akademii rossiyskpy po azbuchnomu poryadku paspolozhenny. Chast 1: A—D. — SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1806.
- [11] Slovar istoricheskiy i sotsialno-politicheskiy / Pod red. V.V. Bitnera. — SPb.: Vestnik Znaniya, 1906.
- [12] Slovar inostrannykh slov, voshedshykh v sostav russkogo yazika. Materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannykh slov v russkoy literaturnoy rechi / Sost. pod red. A.N. Chudinova. — SPb.: V.I. Gubinskiy, 1894.
- [13] Tolkovyy slovar russkogo yazika. 4 tt. T. 1: A — Kyuriny / Pod red. D.N. Ushakova. — M.: Sovetskaya Entsiklopedia; OGIZ, 1935.
- [14] Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazika: 17 tt. — M.; L.: Akademiya nauk SSSR, 1950—54.
- [15] Slovar russkogo yazika: 4 tt. T. 1 / AN SSSR, In-t rus. Yaz.; Pod red. A.P. Evgenyevoy. 3-e izd., stereotip. — M.: Russkiy yazik, 1985.
- [16] Kratkiy politicheskiy slovar / Sost i obsch. red. L.A. Onikova, N.V. Shyshlina. 4-e izd., dop. — M.: Politizdat, 1987.
- [17] Kratkiy slovar kognitivnykh terminov / Pod obsch. red. E.S. Kubryakovoy. — M.: Filol. F-t MGU im. M.V. Lomonosova, 1997.
- [18] *Udartsev S.F.* Politicheskaya i pravovaya teoriyaanarkhizma v Possiyi: istoriya i sovremennost. — M.: Vysshaya shkola prava; Forum, 1994.
- [19] *Etkind A.* Fuko i tezis vnutrenney kolonizatsii: postkolonialnyy vzglyad na sovetskoye proshloye // Novoye literaturnoye obozreniye. — 2001. — № 49.
- [20] Yazikovaya nominatsiya. Obschiye voprosy // Otv. red. B.A. Serebrennikov, A.A. Ufimtseva. — M.: Nauka, 1977.